

Эксперт - Е.М. Шульман, политолог, кандидат политических наук, доцент кафедры политических и правовых учений МВШЭСН (Шанинка)

Давайте начнем с того, как бы Вы описали ключевые тенденции в политической жизни в мировом масштабе. Мы сейчас говорим не об отношениях между государствами, а про внутривнутриполитическую ситуацию.

С одной стороны, подниматься на такой уровень глобальности немножко страшно. Каждое «политическое тело» индивидуально, всех волнуют разные проблемы. Но если говорить об общих тенденциях, которые можно выделить, то я назвала бы следующие. Главный революционизирующий фактор мировой политики – это наступление информационной эпохи. Это вторая трансформация после предыдущей, вызванной всеобщей грамотностью, распространением книгопечатания и появлением регулярной прессы. В прошлый раз фундаментальные изменения (по крайней мере, в Европе) произошли из-за того, что люди массово научились читать, появился рынок политической публицистики в его современном понимании, возникла публичная политическая сфера, в которой люди стали участвовать. Тогда политика перестала быть до такой степени занятием элит. Сейчас проходит вторая, не менее революционная волна, которая привлекает к политическому действию еще более широкие круги участников. Люди не просто обладают доступом к чрезвычайно разнообразной информации, они получают доступ и к высказыванию: то есть становятся не только потребителями политического контента, но и его производителями, высказывают свое мнение. Это мне кажется основным драйвером изменений. Все остальное, на что мы обращаем внимание, – это его последствия. Например, то, что называется (по крайней мере, часто называлось года четыре назад) популистской волной: снижение доверия к элитам. Фрагментация политического пространства, то есть образование групп, которые общаются между собой, внутри себя, имеют свой язык, свою систему ценностей, свои представления о внешнем мире и не выходят за пределы этого информационного пузыря. Все это – следствия информатизации. Элиты стали видимы и прозрачны, принятие решений – более публично, граждане увидели тех, кто ими управляет, управляющие увидели граждан. Все взаимно ужаснулись друг другу.

С точки зрения политической науки это можно сформулировать как переход от запроса на представительство к запросу на участие: граждане во всем мире все меньше понимают, почему они должны передоверять свои права каким-то элитным группам. Доверие к ним во многом стояло, как выяснилось, на их таинственности, на их недоступности, на представлении, что они обладают некими знаниями, которыми не обладает так называемый простой человек. Когда все оказались, что называется, на виду, стало всё менее и менее понятно, что такого в этих людях, почему они должны обладать привилегиями, почему они должны нами руководить. Граждане хотят принимать решения сами, или хотя бы участвовать в принятии решений. Кроме того, пребывание в Сети вообще воспитывает иной тип потребительского поведения. В Сети среда приспосабливается под человека, кастомизируется. Выходя в офлайн, потребитель не понимает, почему он не встречает такого же отношения к себе как к избирателю, налогоплательщику и гражданину, какое встречает к себе как к покупателю. Этот иной тип потребительского поведения несет за собой и иной тип

поведения политического. Если отвечать на вопрос, что самое главное меняется: меняется именно это. Все остальное – кого заботит миграция, кого заботит климат, кого заботит неравенство, а кого наоборот, слово «социализм» в Америке – только последствия.

Мы помним, что, когда в Европе распространилась грамотность и книгопечатание, когда священные книги перевели на национальные языки, это открыло эпоху десятилетних религиозных войн, которые едва не сделали Европу безлюдной. В этот раз, надеемся, обойдется помягче. Я это говорю не для того, чтобы предсказывать войну, а для того, чтобы подчеркнуть, что, вообще говоря, это серьезные перемены, большие трансформации. Нельзя их недооценивать.

Спасибо. Если продолжать сравнение и попытаться сравнить ситуацию с ситуацией десятилетней давности, то какие коренные изменения и различия можно увидеть в европейской, американской, азиатской политике?

Основные – названные. Десять лет назад те вещи, о которых я говорила, уже существовали, но они развивались подспудно и не были так заметны. Обратим внимание вот на что: в 2006 году в Америке было зафиксировано большее число входов в Интернет с мобильных устройств, чем с десктопов, стационарных компьютеров. Это была тихая незаметная революция, точнее, не революция, а почти неслышимый щелчок, когда меняется равновесие двух чаш весов. Почему это было так важно? Потому что выход в Интернет со стационарного компьютера предполагает определенный тип занятости, определенный уровень образования, материального благополучия. Компьютер на столе есть у тех, кто работает в какой-то интеллектуальной сфере. А телефон есть у всех. И, начиная с 2006 года, он начинает становиться всеобщим достоянием. Это была великая волна демократизации. В этот момент где-то родился маленький трамп, который еще не подозревал о том, во что ему предстоит вырасти. Это момент манифестации изменений, которые уже произошли, но чьи политические последствия сказались в течение ближайших десятилетий. Всегда принимайте во внимание инерционность политической среды. Поскольку власть стремится к самосохранению, то никакие или почти никакие социальные изменения не будут немедленно отражаться на политической системе – она будет стремиться законсервироваться. В более демократических странах есть возможность что-то поменять, не меняя чего-то радикальным образом, привнести какую-то свежую кровь. Например, на муниципальном уровне или путем кооптации представителей того или иного нового политического запроса в представительные органы, где они будут заметны, но не будут единолично принимать решения. В странах более авторитарных держатся до последнего, то есть просто отрицают само наличие нового политического запроса. Но, еще раз повторю, даже и в демократиях изменения в политике происходят не сразу, когда они уже произошли в обществе. В России, мне кажется, сравнимой переломной точкой была середина 2018 года, когда маркетологи сказали нам, что количество людей, которые выходят в Интернет хотя бы один раз в день, превысило количество людей, которые включают телевизор хотя бы один раз в день. Это данные для городов от 100 тысяч и выше, граждане старше 12 лет, то есть вся активная Россия. Это был момент, на который я тогда обратила внимание и говорила об этом в своих лекциях: был перейден некий невидимый рубеж. Интересно, что как раз в 2018 году, с весны, началось падение президентского рейтинга, началось активное снижение численности и повышение возраста телевизионной аудитории, начались многие другие социальные и политические процессы, чьи последствия ещё впереди. Все, что мы сейчас видим, включая нашу местную репрессивную активность, – это бульканье на поверхности. Под этой поверхностью большое морское течение, чье движение меняет берега и жизнь на них. Это ответ на Ваш вопрос, что именно изменилось за десять лет: то, что уже существовало десять лет назад, набрало силу. И это меняющееся социальное тело только начинает проявлять себя в действии.

Если говорить о специфике в российской политической жизни сейчас и сравнить ее с общемировыми тенденциями, в чем основные отличия? Есть ли они? На что следует обратить внимание?

Основное отличие российской политической системы – ее ненатуральность, ее искусственная конструкция. Она создана предумышленно, имеет целью сохранение власти, не отражает общественных потребностей – точнее, отражает их чем дальше, тем меньше. Сказать, что она с самого начала не была соприродна нашему социуму, нельзя. Но степень этого совпадения постоянно снижается. Мы сейчас находимся внутри и наблюдаем за дискомфортным периодом: сопротивление искусственной конструкции неизбежному ходу времени. Не будем недооценивать силу этого сопротивления: наличие властного ресурса позволяет некоторое время идти поперек потока истории. В крайних, в радикальных формах это противоречие мы видим на белорусском примере: власть не соответствует обществу ни в чем, никакому его сегменту, но, тем не менее, сохраняется, и ещё некоторое время просидит.

Вполне вероятно, еще просуществует.

Совершенно верно. Это ровно то, о чем я говорила: та инерционность, которую можно себе позволить, если у тебя есть власть. Тем не менее если на время заглушить в себе все человеческое и смотреть только на большие процессы, долгосрочные исторические тенденции, то дела это не меняет. Сейчас или через час, через год или через пять – не имеет значения. Демографические изменения, изменения в самой ткани социальной жизни, о которых я сказала, приведут к тому, к чему они неизбежно должны привести: к большей адаптации политической системы (административной надстройки) к тому социальному базису, который она, вообще-то говоря, призвана обслуживать.

Как бы Вы сейчас охарактеризовали политические настроения в стране? С чем они связаны?

Для ответа на этот вопрос мы можем пользоваться социологическими данными, которыми располагаем. Мы видим настроения уныния, уныния или страха, в зависимости от индивидуального темперамента, очень большой рост страхов всех типов по сравнению с тем, что было даже два года назад. Если мы смотрим данные «Левада-Центра» о том, чего боятся россияне, то видим, что страх политических репрессий, политического преследования со стороны государства занимает одно из первых мест: он вышел далеко за пределы политизированного столичного сообщества и, что называется, пошел в народ. Не столько у нас репрессий, сколько, скажем так, их видимости, их наглядности, и, соответственно, страха перед ними. Оптимизм, что политический, что потребительский, на низких уровнях. Снижение доверия к институтам: тут более сложная картина. До 2019 года включительно шло снижение доверия ко всем институтам социальным и политическим: от армии до бизнеса, включая и церковь, и НКО, и местные, и региональные власти. 2020 год всем прибавил доверия, за исключением президента: там снижение как шло, так и идет. За 2021 год у нас, естественно, данных нет, но надо отметить, что 2020 год, год общей беды, несколько прибавил доверия в отношении сразу всех социальных и политических институций. Больше всего процентных пунктов прибавили российские НКО, благотворительные организации. Довольно сильно прибавило правительство, очевидно, из-за того, что просто состав сменился. Кстати, это показывает нам силу запроса на хотя бы новые имена: простой заменой кадров удалось сделать непопулярное правительство удобоваримым.

Сказать, что панические настроения распространены среди граждан, я не могу, хотя описанные данные можно интерпретировать по-разному. Но мы видим усталость от существующего положения вещей и одновременно страх перед будущим. Несомненный

запрос на обновление, на перемены: обратите внимание на изменения в ответах на вопросы «Что важнее – стабильность или изменения?», «России нужны перемены или стабильность?». Эта динамика очень любопытна. Такие вопросы задают своим респондентам и «Левада», и, по-моему, ФОМ. В исследовании Института социологии РАН 2018-го года этот вопрос тоже задавался. Если посмотреть динамические изменения (что мы в первую очередь смотрим, глядя на социологические данные), то мы видим, что изменения являются вполне насущной потребностью, хотя не очень часто люди могут сформулировать, какие именно изменения они имеют в виду. Но ощущение того, что перемены могут привести к худшему, тоже присутствует. То есть мы сейчас в точке неустойчивого равновесия. С одной стороны, ненаучно выражаясь, гражданам обрыдло и осточертело нынешнее положение вещей. От него ждут плохого, одновременно ждут плохого и от изменений. Пожалуй, можно охарактеризовать это состояние общественного мнения словом «беспросветность». Способствует тому и если не исчезновение, то потускнение бывшего «света в окошке»: снижение личной популярности президента.

Эффект черных очков.

Есть такое дело. Тому причин может быть масса. Устойчивое снижение доходов, реальных и располагаемых, с 2014 года – откуда взяться и потребителю оптимизму, и какому угодно еще? В 2020 году граждане ещё держались бодрячком: есть ощущение, хотя я не могу этого доказать, мы это увидим только постфактум, что 2021 год, скорее всего, подломит многое, что пока держалось. В 2020 году держались по инерции, и была еще непонятна продолжительность наступившей беды. 2021 год – это год и раскручивающейся бедности, и высоких смертей, и отсутствия политических изменений. Политическое событие 2021 года, чьи последствия мы еще увидим, – это столкновение машины власти со своей собственной базой в вопросе о вакцинации. Такое у нас не каждый день случается: я бы сказала, что прошлый такой случай – пенсионная реформа 2018 года, после чего все наши рейтинги стремительно покатались под горку, а до этого такой случай был в 2004 году – монетизация льгот, вызывавшая массовые протесты. Что объединяет эти случаи? Всё это несправедливые реформы, реформы, оскорбляющие народное чувство справедливости. Справедливость – это ключевое слово при анализе общественных настроений.

Как раз хотела поговорить с Вами об идеологических ценностях, взглядах. Какие из них сейчас наиболее востребованы среди населения и почему?

На что мы можем опираться, когда пытаемся рассуждать на эту тему? Существуют опросы о ценностях, существует Всемирное исследование ценностей, World Values Survey, результаты седьмой волны которого были опубликованы в конце 2020 года. Можно смотреть на них. Можно смотреть на результаты опросов, на основании каких ценностей должна развиваться Россия, что важнее – великая держава или благополучие граждан, вот такие вещи. Тут я бы обратила внимание на исследования Института социологии РАН: они опубликованы, их можно посмотреть. Последнее, что я видела, было в 2018 году, тем не менее оно, думаю, вполне валидно и сейчас: такие вещи быстро не меняются.

Не меняются.

Нет, ценности по своей природе инерционны. Есть исследование «Левада-Центра» под названием «Протопартийные группы». Протопартийные группы – это облака симпатий респондентов к очень обобщенно сформулированным политическим лозунгам. «Что вам нравится: Россия для русских, возрождение СССР, свободный рынок, интеграция с Западом, что вам симпатично?» Таким образом можно выделить некие «облака» или конstellляции, согласно которым могут формироваться политические симпатии. Однако политические симпатии важны, если у людей есть возможность их проявить: в обычном случае все такого

рода исследования важны, потому что они показывают, как люди проголосуют при наличии выбора. Но если выбора и возможности его сделать электоральными методами нет, то результаты эти носят несколько умозрительный характер.

Ещё один инструмент – фокус-группы. Фокус-группы хороши тем, что они не являются репрезентативными исследованиями, но показывают довольно часто, и я это видела на примере исследований групп Белановского и Дмитриева, то, что на больших количественных исследованиях...

Не выявить.

Да. Нельзя сделать фокус-группу и прибежать, сказать: «Вот, я знаю, что в русском народе происходит». Но надо обязательно это заметить себе, потому что с высокой долей вероятности то же самое мы через некоторое время увидим уже на репрезентативной выборке, в результатах больших количественных исследований. Что у нас интересного? Снижение популярности президента во всех группах. Старшая группа «55+» еще держится, остальные уже как-то никак. К вопросу о репрезентативных исследованиях: буквально на днях попался в «Фейсбуке» пост популярной блогерши, которая пишет, что каждый год проводит опрос среди своих подписчиков на тему, ненаучно формулируемую как «Я б дала». «Кто вам кажется сексуально привлекательным из известных людей?» Несколько лет подряд под этими ежегодными постами если не тысячи, то, по крайней мере, сотни комментариев, в которых женщины и в меньшей степени мужчины демонстрируют свои пристрастия. Я посмотрела на это и даже написала там в комментарии, что это чрезвычайно ценный социологический материал. Она пишет, не без удивления, что в этом году вообще никто не назвал Путина, притом что он всегда был в середине первой десятки. Это первое. И второе, что мне показалось интересным: первые места занимают представители одного типажа – условный викинг, финский лесоруб, австралийский пожарный.

Суровый мужчина.

Да. В прежние годы очень сексуальным считался типаж ботаника-нерда, героя «Теории большого взрыва», Джонни Деппа в очках. Это любопытно. Во-первых, что касается президентской популярности, его уход из этих слоев народного сознания, возможно, связан с течением времени. А пристрастие к суровым выраженно-маскулинным типажам – на первом месте. Я очень плохо знаю каких бы то ни было актеров, но тут я даже решила погуглить: первое место с большим отрывом занимает гражданин, который в «Игре престолов» играл Кхала, мужа Дейнерис, если Вы смотрели сериал. Он умер быстро, в первом сезоне, но я и не смотрела дальше первого сезона. Это, конечно, вкусы военного времени. Такой типаж, за вычетом длинных волос и голого торса, мог бы быть популярен в 40-х. Это интересно. Это несколько отвлекает нас от Вашего вопроса о последних политических пристрастиях, но, во-первых, тоже имеет отношение к делу, во-вторых, это мне только что попало, так что не могу с Вами не поделиться. В нашей ситуации несвободы социологии, когда не свободен ни респондент, ни опрашивающий, мы по необходимости смотрим на самые разные показатели и маркеры, которые не являются результатами строго научных исследований (разумеется, приведенный мною опрос никак не репрезентативен). Они могут дать нам какую-то зацепку, какое-то свидетельство того, что происходит в этом загадочном непроницаемом народном теле.

Что касается собственно политических запросов. Я сказала, что ключевое слово – справедливость. В самом общем виде наиболее массовый запрос можно охарактеризовать как левый, хотя это очень-очень устаревшая терминология. Тем не менее: справедливое распределение, борьба с бедностью, помощь слабым. Вообще всякая заботящаяся и реабилитационная лексика и соответствующая политика будут, видимо, хорошо востребованы в ковидную и постковидную эпоху. Защита, лечение, реабилитация: то есть общество осознает

себя пожилым и не очень здоровым. Это может звучать грустно, может быть, это действительно грустно, но наше дело не веселиться, а пытаться наблюдать реальность. Также страх перед будущим сочетается с отсутствием экспансионистских, агрессивных или, если хотите, прогрессистских запросов. Как мне кажется, даже в чрезвычайной ситуации мы не видим роста агрессии. Кстати, были очень большие ожидания роста насильственных преступлений из-за карантина. Этого не произошло. Случился рост домашнего насилия, но, знаете, когда все сидят взаперти, все насилие становится домашним. Роста числа убийств и тяжких телесных повреждений по итогам 2020 года мы не видим. Реакция на чрезвычайную ситуацию не такова, какова она была во времена чумы при Екатерине II или холеры при Николае I. Это другой тип реакции. С этим связан, как мне кажется, и иной политический запрос. Следующие поколения политиков будут слышать: не надо нам никуда лезть, самим не хватает, у нас тут больные, слабые, недокормленные и прочие-прочие, нам нужно в первую очередь думать об этом. С одной стороны, в этом нет ничего нового: это самый естественный запрос, который вообще всегда бывает на любых выборах. Но в обществах, где больше молодежи и несколько иной политический опыт, бывают и какие-то другие запросы: на расширение жизненного пространства, на какие-то победы в космосе, на что-то еще экспансионистское. В нашем случае социальная тематика в самом широком смысле этого очень широкого термина будет первостатейной, самой востребованной. Кто сумеет это конвертировать в какое-то политическое предложение, тот будет победителем первой половины XXI века.

Если вернуться к сравнению ситуации с той, что была десять лет назад, что изменилось в партийной активности?

Существовавшая и существующая до сих пор партийная система дорабатывает свой ресурс. Десять лет назад она имела чуть большее отношение к политической реальности, в большей степени отражала хоть какие-то политические запросы граждан. Сейчас это уже во многом партии-фантомы. Когда граждане размышляют, за кого голосовать, они всё чаще отталкиваются от того, за кого они не хотят голосовать: голосуют не за, а против. Сейчас, видимо, идет рост числа людей, которые готовы голосовать за КПРФ. Это протестное голосование в чистом виде, не связанное ни с симпатиями к КПРФ как к таковой или к чему-то изумительному и прекрасному, что они сказали или сделали в последнее время.

А почему именно КПРФ, не ЛДПР, не СР?

Коммунисты в большей степени рассматриваются как реальная оппозиционная сила. Люди пытаются ответить себе на вопрос «Как наиболее эффективно проголосовать назло?». Им кажется, что голосование за КПРФ рассматривается как наиболее протестное. Вот до чего, скажем так, дожила наша политическая система на нынешнем этапе.

Две партии – КПРФ и ЛДПР, как и вся Россия, подходят к этапу трансфера власти. Каждая из них будет иметь свои сложности с этим, но Вы меня сейчас не об этом спрашиваете, поэтому я бы не хотела уходить в подробности партийной жизни, тем более это не совсем мой предмет исследования. Тем не менее понятно, что и там, и там стареющий лидер и необходимость передачи власти следующему поколению политиков и управленцев. «Справедливая Россия», подвергнувшаяся насильственному слиянию и не нарастившая (если не растерявшая) свой политический капитал, вообще стоит, как мне кажется, на грани политической жизни и смерти. Новые партийные проекты мне пока непонятны: это, опять же, не моя сфера. Я приблизительно могу сказать, чего хотели бы люди, чего хотели бы избиратели, если бы, что называется, у нас были выборы. Тут можно примерно, на основании тех исследований, о

которых я говорила, нарисовать эти «облака», эти протопартийные группы. Но прогнозировать судьбы нынешних партийных проектов я бы не взялась.

А если оценивать динамику интереса к внутривнутриполитической тематике, как она меняется?

Когда что-то происходит заметное, как в начале этого года, интерес очень растет. Мы это видим как по данным опросов – «Что вам запомнилось за прошедший месяц?», так и по таким субъективным показателям (скажу, как видеоблогер), как количество новых подписок и просмотров видео, говорящих о каких-то актуальных политических событиях. Публика, которая не существовала еще неделю назад, вдруг прибегает в массовых количествах, потому что что-то зашуршало, что-то начало случаться – и люди немедленно побежали интересоваться этим. Что касается степени политизации: люди очень охотно говорят, что «мы политикой не интересуемся», но это, опять же, ровно до того момента, пока что-то не случится. Когда случилось нечто, что воспринимается как политическое событие, тут же интерес и просыпается. Этот интерес и эта активность очень ситуативны.

Оцените, пожалуйста, как эксперт, насколько политические партии сейчас соответствуют политическим запросам избирателей?

Не намного. Давайте вернемся к политическому запросу. Сразу хочу предупредить, что цифры, которые я называю, – это вообще не реальные параметры, а скорее ориентиры. Это не проценты голосов, тем более это не проценты мандатов в будущем парламенте. Это некие обобщенные уровни, которые полезны только для вот этой очень приблизительной оценки. Мы не можем, находясь в ситуации политической несвободы, давать какие-то точные проценты: это будет просто шарлатанство. Итак, существует то, что называется у социологов лоялистское ядро. Его принято оценивать примерно в 30%. Если 30% сограждан, респондентов, избирателей, поддерживают существующее положение вещей, оно обладает значительным запасом устойчивости. Когда опускается ниже этой ватерлинии – что называется, жди беды. Из этого не следует, что тот режим, с которым это происходит, обязательно завтра падет, но ему предстоит нелегкие времена. Ему надо будет как-то приспособливаться к этой новой неустойчивости. Первая автоматическая реакция – естественно, репрессии. Выглядит противно, но это так. У нас сейчас опасным образом многие ответы на вопросы колеблются вокруг цифры 27. Рейтинг «Единой России», процент желающих голосовать за «Единую Россию»; процент опрошенных, которые считают, что стабильность важнее изменений; респонденты, которые на вопрос «Кому из политиков вы доверяете?» называют президента в опросе «открытого типа», то есть самостоятельно, а не выбирая из списка.

Спонтанно.

Да, спонтанно. Все это крутится вокруг 27%, чуть ниже 30%. Опять же, циферки эти – вообще не цифры, а просто индикаторы. Тем не менее я их называю, потому что нам надо за что-то зацепиться. Итак, одна наша протопартийная группа – партия поддержки существующего положения вещей. Сравнивая с ней, думаю, что уже превосходящая ее на нынешний момент, – группа людей левых симпатий. Их условно представляет КПРФ. Но их же частично пытаются представлять и «Единая Россия», рекламируя социальную политику партии и правительства. К ним были обращены поправки в Конституции, говорящие о защите труда, о социальной роли государства, о том, что надо индексировать зарплаты и пенсии. Это партия, условно говоря, «социальщиков». Существует партия либералов, она же партия европейского выбора: свободы политические и экономические и нормализация отношений с внешним миром. Это от 15 до 20%. Она абсолютно не представлена нигде, просто запрещена и приравнена к государственной измене. Но меньше она от этого не становится. Это просто не

представленные, не репрезентированные люди, но они никуда не исчезли (идея, что они каким-то волшебным образом «все уехали», наивна – ими населены крупные города). Существует протопартия русских либертарианцев. Их больше, чем принято полагать. Партия низких налогов, свободы предпринимательства, маленького государства, избавления от государственного надзора и, в ряде случаев, либерализации оборота оружия – не ничтожна. При удачной подаче они получают на наших условных выборах от 8 до 10%. С ними сравнима протопартия тех, кому симпатичен лозунг «Россия для русских»: этнические националисты. Если к этому еще, что возможно было бы при удачной избирательной кампании, прибавить людей, озабоченных миграцией и считающих её бедой и опасностью, это тоже будет вполне валидная заявка на парламентское представительство. Существует протопартия людей советских симпатий: тех, что считают, что необходимо восстановление СССР, 5-7%. Также на этом поле можно заметить протопартию православных ортодоксов: традиционные ценности, принуждение к нравственности, Петр и Феврония, государственная религия. Возможно, латентные монархические взгляды там тоже присутствуют. Эта общность вращается вокруг пяти-семи процентов.

Теперь давайте подумаем, как эти протогруппы представлены, кто из партий на кого из них может работать. Можно сказать, что часть «Справедливой России» в лице ее нового со-главы Прилепина обращается одновременно и к советским симпатизантам, и к православным. «Единая Россия» тоже пытается обращаться и к тем, кто хочет социальной защиты, и к тем, кто хочет возрождения Советского Союза, и в меньшей степени к тем, кто, например, хочет «Россию для русских». Партия либерально настроенных горожан не представлена нигде: она наиболее репрессуемая. Сравниться с ней по уровню бесправия и непредставленности может партия националистов: им тоже ничего нельзя.

Так это выглядит сейчас. С одной стороны, сказать, что партии у нас совсем отрезаны от реальности, никак не отвечают ни на какой политический запрос, я не могу. Они пытаются отозваться на нечто, что они смутно слышат. Но в ситуации не то что политической свободы, а хотя бы чуть большей политической свободы, все наши электоральные расклады выглядели бы совершенно иначе. Спрос есть, предложения нет: пожалуй, так можно охарактеризовать нашу партийную систему.

И в том числе спрос на новую политическую силу?

Не то что на новую как таковую. Есть спрос на обновление, не очень внятный спрос на перемены, на новые лица. Тот пример, который я привела с ростом рейтинга правительства, говорит ровно об этом. Оно ничего не успело сделать хорошего для людей, что оправдывало бы такой рост его популярности. Если сравнить данные «Левада-Центра» за 2019 и 2020 годы, то Вы поймете, о чем я говорю. Это очень наглядно нам говорит о силе запроса на новизну. По итогам двадцатилетия стабильности людям, естественно, хочется хоть каких-то перемен.

Но запроса на новую партию как таковую не существует, если я правильно все понимаю. Дело не в том, что хочется новой партии, дело в том, что тем группам, которые не представлены, хочется политического участия. Таких групп достаточно много: куда ни кинь, никто не представлен. Обращу Ваше внимание на ещё одну научную работу. Григорий Юдин, «Кризис репрезентативности». Это исследование как раз о том, как система политического представительства исключает большие группы. В результате отстригания от политического участия все новых и новых групп, их отрезывания от реальной политической действительности, становится вообще непонятно, кто, собственно, представлен в политической системе, кроме начальства. Начальство – да. Оно имеет свою партию, которая единственным пунктом своей программы декларирует сохранение начальства в качестве начальства.

Поэтому, несмотря на такой, казалось бы, осязаемый запрос на новые лица, я бы не абсолютизировала саму потребность в чем-то новеньком. Людям нужно услышать от потенциального кандидата те слова, которые звучат в их душе и которые они сами часто не в силах сформулировать. Для этого нужно, как мне кажется, читать длинные и бессвязные стенограммы фокус-групп, для того чтобы в этом бульканье расслышать, что людям нужно. Была попытка сформулировать этот запрос как запрос на правую политику и левую экономическую политику: изоляционизм в политике внешней, ориентация исключительно на собственные интересы, запрет на дорогостоящие авантюры, вообще на любые избыточные расходы, и левая распределительная, антиолигархическая, проще говоря, левая политика внутри страны. Это очень-очень обобщенно, и, разумеется, не покрывает всего спектра запросов. Точно так же можно сказать, что есть запрос на то, что я назвала русским либертарианством: на освобождение труда, на снижение налогов. Кстати говоря, Геннадий Андреевич Зюганов старенький и то написал письмо президенту, что мы платим 62 копейки с рубля налогов, нигде в мире нет таких высоких налогов. Хотя, казалось бы, где КПРФ и где снижение налогообложения. Значит, тоже почуял какой-то общественный запрос.

Нельзя говорить о том, что для того, чтобы иметь успех, надо непременно под красным флагом: дело не в красном флаге. Дело в том, что бродит множество неприкаянных групп, партий, которых не слышат уже давно, хронически не слышат сверху ни одного слова, которое соответствовало бы тому, о чем они либо говорят между собой, либо хотели бы сказать, но не могут сформулировать.

Как Вы видите политическое пространство страны в будущем? Если попытаться описать новую политическую модель.

В каком будущем? Насколько далеко будем заглядывать?

Пять лет, десять лет – какими категориями Вы готовы мыслить и рассуждать?

Давайте так. Главное дело 20-х – это поколенческий переход. Он отражается во множестве процессов: от передачи собственности до передачи власти, как на самом высоком уровне, так и на самом низовом. Этому предстоит произойти, и это отразится на всем. Остановить его нельзя, замедлить его затруднительно. Можно пытаться сделать так, чтобы он прошел на ваших условиях. Это самый общий ракурс. Вы спрашиваете про пропартийную систему?

Да.

Трудно себе представить, чтобы существующая четырехпартийная система пережила ближайшее пятилетие. Вероятно, выборы 2021 года еще удастся силой административного ресурса, изменений в законодательстве и прямых фальсификаций провести так, как будто с 2016 года ничего особенно не изменилось. Совсем повторить результат 2016 года, мне кажется, не получится, но сделать вид, что время идет не так уж быстро, может быть, и можно. Но это будет в последний раз. Еще через пять лет мы придем с другим составом населения, с другой демографической пирамидой, с другой долей молодежи, с еще более высоким средним возрастом, с еще более высоким женским представительством и с уходящей когортой всех тех, кто сейчас нами управляет. Это касается в значительной степени и партий. Я уже сказала, что две партии из четырех парламентских переживают старение своего лидерства. Им предстоит трансфер или транзит (передача или переход – как кому удастся) власти, во многом дискомфортный и для каждой по-своему опасный. Далее, политические группы, которые не представлены, будут стремиться быть представленными. Удерживать их от этого можно: не будем недооценивать силу полицейского давления и административного принуждения. Мы последние люди, кто может позволить себе легкомысленно относиться к их могуществу. Тем не менее ограничения этой силы мы тоже понимаем.

Я бы увидела в перспективе ближайших пяти лет более разнообразную партийную картину. Не исключено, что мы ее увидим и на этих выборах тоже. При всем уважении к фальсификациям, есть такие объемы, на которых фальсификации ломаются. Поэтому возможно, что состав Думы восьмого созыва будет чуть более разнообразен: возможно, за счет одномандатников, возможно, и за счет каких-то новых, иных партийных проектов, которые сумеют попасть в Думу.

Я бы два назвала как наиболее перспективные, на мой взгляд (хотя еще раз повторю, это не моя область), «Партию пенсионеров», на которую никогда никто не обращает внимания, а она на региональных выборах выступает очень хорошо. По количеству представителей в региональных парламентах среди непарламентских партий «пенсионеры» на первом месте. И второе: возможно, «Новые люди». Часть обиженного городского электората, который ищет себе хоть чего-нибудь и при этом не в силах заставить себя проголосовать за КПРФ, потому что они совсем уж чужды ему идеологически, может повернуться к этому партийному бренду. Если за время избирательной кампании они не сделают чего-то совсем уж омерзительного, что оттолкнет от них именно этот тип городского электората, если они не будут выходить на парад с мумией Сталина, не будут призывать присоединить Донбасс к России или еще что-нибудь, то у них есть шансы стать «партией второго выбора» за неимением ничего другого. «Яблоко» признаков жизни не подает, а когда подает, то лучше бы не подавало. Так что никакой либеральной партии избиратели на политической сцене не видят. Велика, однако, вероятность того, что эти избиратели вообще не придут на выборы: делается все, чтобы они туда не приходили.

А если попытаться встроить население в ту модель, которую Вы описали, то на какие категории его можно поделить? И коротко опишите, охарактеризуйте каждую из этих категорий.

Говоря о протопартийных группах, давайте еще раз их перечислю. Очень условно: партия социальной справедливости, партия горожан европейского выбора, партия экономической свободы, партия этнического национализма и антиэмигрантской политики. Партия советских симпатий, партия религиозных консерваторов и то, что называлось во французском Конвенте «болото»: партия стабильности, которая никогда не имеет собственных взглядов и решает исход любой битвы. Болото всегда присоединяется к победителю: побеждает тот, кто убедит его в том, что он победитель. Несколько парадоксальный, но довольно понятный принцип. Он звучит парадоксом, но на практике каждый знает, как это выглядит. Кто убедит эту массу в том, что он уже начальство, за того они и проголосуют.

Очень приблизительно (крупным шрифтом пишем – это не прогноз, это не количественная оценка) представим себе систему координат: ось абсцисс, ось ординат, между ними такие «облачка». Это единственное, что мы с вами, оставаясь в рамках научной добросовестности, можем изобразить. Мы понимаем, что избирательная кампания, публичность, возможность привлечь финансирование способны перевернуть любой такого рода расклад. Представим себе свободные выборы, на которых, например, появляется яркий, красивый националистический лидер с зазывной риторикой. Ему дают деньги, он попадает в телеэфир, и за него голосуем мы с вами, хотя еще вчера не собирались. И тогда группа «Россия за русских» выходит далеко за пределы своих семи-восьми процентов. Или наоборот: партию социальной справедливости возглавляет какой-нибудь лапоть. И выгоднейшая риторика, популярнейшие политические лозунги в его устах никому не нравятся. В результате выборы проходят мимо них. Выборная кампания непредсказуема. Мы с вами пытаемся предсказать результаты выборов, которых нет. Тем не менее эти оценки, как мне кажется, небесполезны. Они, что называется, на старте, до начала гонки, которая неизвестно когда начнется (и начнется ли), позволяют оценить предварительные симпатии потенциальных избирателей.

Спасибо Вам большое, Екатерина Михайловна, было очень интересно.